

П. К. ПОНОМАРЕНКО

СОБЫТИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Что такое история! Прежде всего время, пространство и люди. Или, по-другому: жизнь людей, прошедшая в определенном временном и пространственном измерении. Что было и что осталось в избирательной земной памяти.

И как бы мы ни относились к событиям прошлого, нравятся они нам сегодня или не нравятся, они таковы, они были и это ничем не изменишь. С этим можно только смириться и принимать с пониманием фатальной неизбежности случившегося. Жизнь еще не придумала поезда в обратном направлении.

Но, «историю пишут люди!». Да. И пишут дважды. Первый раз — как активные участники ее, другой раз, если позволяет время и силы, — как летописцы ее. И очень часто второе писание не соответствует первому.

Что ж, и это надо понимать. Все мы земные. И всем хочется быть немножко Богами — чем больше, тем лучше. Или на самом деле и чем было позволено быть. И в этом большой беды нет. Память каждого человека тоже больна избирательностью. Она отражает только точку зрения, а не точку политку, в ее воле «забыть» то, было, и вспомнить то, чего не было, но хотелось, чтобы оно было. Теша самолюбие: есть беспристрастный — время, и оно все расставляет на свои места. Это время можно отнестись к мемуарам вообще и к предельным «даты» — манящая и нежная в истинности.

Не пренебрегая ценки и этикета, читатель и критик, — хотелось бы сказать, нескромно, в этих случаях.

Об истории записки П. К. Пономаренко, участника Великой Отечественной войны и строгостью написаны. П. К. Пономаренко, участник Великой Отечественной войны (р. 27.7. 1902, хут. Шалковский, Материю, Материю, Материю), советский парт. и гос. деятель.

Советский партийный и государственный деятель... Это определено много. Он — дитя своего времени, но он — не только время, но он и двигатель этой системы. Он жил и действовал по ее законам.

Молодой инструктор, проработавший год в аппарате ЦК ВКП(б)... И вот его везут из Москвы в Беларусь, в республику, в которой он никогда не был и о которой, о ее народе, его жизни и истории ничего не знал и не ведал. Привозят и сажают «на царство»... Руководи и властвуй. Строй лучшее в мире социалистическое общество. Это был 1938 год.

Люди постарше, которым посчастливилось пережить то страшное время и которые бывали в кабинете тогдашнего главного секретаря компартии Белоруссии, вспоминают, как он любил ходить по ковровой дорожке от дверей к стене за столом, на которой висел огромный портрет «вождя народов» — в парадном мундире, со знаменитой трубкой в руке. И сам секретарь был в полупарадном мундире, и трубку тоже любил держать в руке...

Как партийный функционер высшей школы, он работал с полной отдачей везде, куда «посылала партия»... Решал вопросы миграции и обороны, партизанского движения и заготовок, культуры и казахстанской целины, работал на дипломатическом поприще в Польше, Индии, Непале, Нидерландах...

Редакцию заинтересовали не только страницы, связанные с работой П. К. Пономаренко в Беларуси (1938—1947 гг.). Интересна сама по себе жизнь сталинского Кремля, его высокодержавная кухня, как легко и просто там решались судьбы отдельных людей и целых народов, как готовились сегодняшние Карабахи и Прибалтики... Донбассу нужен лес — почему бы не взять его из Беларуси — вместе с землей и людьми. Провели линию на карте — вот и решенье! Маленкову захотелось прирезать Полоцкую область к России — почему бы и не прирезать! И чуть не прирезали.

Все это уже история и еще не история, а кровотокающая действительность. Высокодекларированная десятилетиями «дружба народов» с автоматом Калашникова за пазухой.

Можно только сожалеть, что воспоминания не закончены, что написаны они во многом неровно и фрагментарно, с большими временными пропусками. Чувствуется, что писались они трудно. Не исключено, что сначала писался более легкий материал, более трудный оставался под конец. В планах рукописи есть много нереализ-

зованного, например, такие ненаписанные главы, как «Аресты в Белоруссии. Комиссия. Ца-нава», «Ликвидация последних правовых нарушений государственными органами в 1937—1938 гг.»... Как они были бы нужны сегодня для прояснения ситуации в Беларуси в те трагические годы!

Но... Скажем спасибо и за то, что имеем. Ибо это частичка правды, частичка того, что видел и пережил автор и о чем без его помощи мы бы, наверное, не скоро еще узнали.

А. КУДРАВЕЦ

В ЦК ВКП(б)

Весной 1937-го года меня неожиданно вызвали в Московский комитет партии. Я был принят Хрущевым и Брежневым. После расспросов о работе в парторганизации Всесоюзного научно-исследовательского института им. В. И. Ленина, где я заведовал спецлабораторией и был секретарем парткома института, Хрущев спросил меня: «Что бы вы ответили, если бы мы предложили вам перейти на работу в Московский комитет партии?» Я сказал, что считаю такое предложение высокой для себя честью и рад оказываемому доверию. Единственно, что заставляет подумать, прежде чем дать ответ, то, что тема моей работы в институте утверждена наркомом обороны по управлению военных изобретений, и мне, конечно, хочется довести ее до конца.

По их просьбе я обстоятельно рассказал об этой работе, и они решили отложить вопрос о переходе в МК до ее окончания.

Осенью этого же года меня, как секретаря парткома, вызвали в ЦК ВКП(б) к инструктору отдела руководящих парторганов Чуянову — со списком членов парторганизации института.

Отправился в ЦК, я думаю, тот же день. Чуянов, Алексей Семенович, с которым я знаком по восточной работе на Кубу в двадцатых годах?»

Так и оказалось.

Вот как он описывает мое первое появление в ЦК ВКП(б): «Знакомясь с кадрами Московского электротехнического института, обнаружил, что на посту секретаря парткома этого института работает К. Я. Онозиненко, кажется, знакомый по Коржескому району. Проверил, какие работы он выполнял для знакомства и не ошибся».

Это был Пантелей Пономаренко, тогдашний научный сотрудник института и секретарь парткома. Весной 1937-го года он, как и все комсомольцы, работу среди казачьей молодежи. Я же отсутствовал. Походив по ЦК, решил ей показать руководство. М. А. Бурмистренко сам пришел ко мне, и я тогда секретарю ЦК А. А. Андриееву и рекомендовал использовать Пономаренко на работе в ЦК. Предложение было принято».

М. А. Бурмистренко тогда был заместителем заведующего отделом руководящих парторганов (ОРПО), затем — второй секретарь ЦК КП Украины. В 1941 году погиб в боях с немецкими фашистами.

В подборе кадров в аппарат ЦК, в республиканские, краевые и областные органы в ту пору был сделан крен в сторону молодежи — с образованием и хотя бы небольшим опытом работы на местах. Сам Чуянов вскоре уехал в Сталинградскую область — занял пост первого секретаря обкома ВКП(б). В годы войны он был членом военного совета Сталинградского фронта, председателем городского комитета обороны Сталинграда. Умер 30 ноября 1977 года. Похоронен на Мамаевом кургане.

Итак, я стал инструктором отдела руководящих органов ЦК ВКП(б). Помощник заведующего отделом Конкин привел меня в комнату 417 на четвертом этаже, назвал номер моего телефона — 21-00 — и сказал, что я буду заниматься Челябинской и Свердловской областями, а также Новосибирским и Алтайским краями. И ушел. Кроме меня в комнате уже работали инструкторы — Дубровский, Алтуфьев и Герцман, старый член партии.

Поздоровался, сел за стол. Начинался тот изначальный томительный период, когда не знаешь, в чем твои обязанности, за что братья, что делать. А вокруг кипит работа, никто и минуты не сидит без дела: инструкторы беседуют с посетителями, составляют какие-то бумаги, несут их и печатать, исправляют, отсылают куда-то, звонят по телефону, им тоже много звонят, даже из других городов, — идут деловые

телефонные разговоры и так с утра до ночи, с небольшим перерывом на обед. А вот ко мне никто не звонит, не приходит.

Так продолжалось несколько дней. Меня охватила тоска. Но, оказывается, за мной внимательно наблюдал старик Герцман. Он немало повидал на своем веку таких, как я, и многим помог войти в дело, или, как он говорил, «начать жить на своем месте».

К концу третьего дня моих мучений Герцман подошел ко мне и спросил: «Скажите, пожалуйста, по каким областям вы работаете?» Я ответил. «Очень интересные области, — заметил Герцман, — я там когда-то бывал. Не знаю, кто теперь руководит ими. Вот у меня на днях был неприятный случай. Вызывает меня Андрей Андреевич и спрашивает, кто работает секретарем Самаркандского горкома. Я веду республики Средней Азии, а — не знаю. Так было неприятно».

И — отошел от стола.

Тут уже я поднялся и подошел к нему: «А как же узнать, кто там работает?» Герцман ответил: «Очень просто. У нас есть архив личных дел. Любое из них вам дадут по вашему удостоверению. По личным делам вы можете получить первое представление о руководящих работниках. Позже поездки, встречи, наблюдения за жизнью организаций дополнят его, создадут у вас свое мнение».

Герцман сел на свое место, а я пошел искать архив...

Целых две недели я читал личные дела секретарей, членов бюро обкома и крайкомов, делал заметки и выписки, готовил списки, составлял для себя справочник и т. д. Потом я еще ознакомился с личными делами секретарей райкомов, но... всему бывает конец. Думаю: что же дальше? Герцман опять подходит и уже как со старым знакомым делится неприятностями. Вызвал, говорит, Андрей Андреевич и спрашивает, знаком ли я с одним неверным постановлением Андijanского горкома. Оказывается, я не был с ним знаком; из-за этого постановление не было отменено в течение нескольких дней. Очень было неприятно.

Меня охватила тревога, я вообще не видел постановлений еще не видел и не читал. Спрашиваю Герцмана: «А как же с вами познакомиться, с этими постановлениями?» Герцман говорит, что постановления обкомов и крайкомов присылаются в ЦК, хранятся в архиве, их можно получить по удостоверению.

Я тут же отпустился в архив, и эти дела утило не надолго. Раньше я нигде не читал постановлений, выходящих из руководящих партийных органов. Они касались всех вопросов жизни и работы и были действительно интересны.

Перед глазами как бы вставало прошлое, концы непрошедшего отряда проходили дела партийных организаций в этих областях. Но все я еще понимал должным образом, но уже входил в мир более широких представлений. Надо было все это унать.

И все же все это было только информацией. Они, конечно, отражали и жизнь, и работу, но, оторванные от условий, в которых возникали, были не всегда понятны и, главное, свидетельствовали об уже прошедших событиях. Их верность могла быть проверена только жизнью.

Как-то, вспоминая, попадаетея на глаза неверное, на мой взгляд, решение Пермского горкома, входившего тогда в Свердловскую область. Делюсь с Герцманом, он возмущается, советует позвонить секретарю Пермского горкома. Заказываю разговор, меня соединяют, я извиняюсь и говорю, что, по моему мнению, горком принял неверное решение, читаю это решение. Секретарь в волнении, звонок ведь из ЦК. Говорит, обсудим, решение, мол, действительно неверное.

Разговор окончен, я пишу руководству информацию о принятых мерах. На другой день, в первый раз, зазвонил и мой телефон, и секретарь Пермского горкома сообщил, что бюро горкома отменило неверное решение.

Через месяц у меня уже было полно дел. Вопросы, телефонные звонки. Одним словом, пришла и ко мне та необходимая часть дела, без которой не обойтись, но которая, если заниматься только ею, может оторвать от самого главного — от общения с жизнью и живыми людьми.

Умный и наблюдательный Герцман, добрая душа, он ведь выдумывал для меня свои неприятности, он хотел помочь мне включиться в работу. И он добился своего.

В начале 1938 года Герцман слег в больницу и уже не вышел оттуда. На его место пришел другой инструктор. Я с интересом наблюдал, как он томился, не зная, за что взяться, с какой завистью смотрел на нас, непрерывно занимающихся делом. Я подошел к нему, спросил: «По каким областям вы работаете?» Ответил. «Да, — заметил я, — у меня вчера была неприятность. Вызывают к Андрею Андреевичу и спрашивают» и т. д. Одним словом, обучение по Герцману. Смотрю, товарищ

срочно отправляется в архив, а через полчаса возвращается с копией личных дел.

В ходе работы я заметил, что к инструкторам ЦК, в том числе и ко мне, работники местных парторганов, приехавшие по делам в Москву, заходили чрезвычайно редко, а первые секретари обкомов и вовсе не заходили. Со своими делами они шли к заведующим отделами или секретарям ЦК. Им казалось: какие могут быть вопросы к инструкторам ЦК, курировавшим их области! Но у нас были к ним вопросы, причем не только по партийной, но и по хозяйственной работе. Вначале казалось, что нет способа заставить их заходить к нам. Однако это было не так. Способ был. Надо было только так наладить работу, чтобы секретари обкомов почувствовали, что мы им нужны.

Подготовив некоторые материалы по Свердловской области и узнав день приезда секретаря обкома Столяра, я стал ждать его в коридоре, по которому он должен был проходить к кабинету заведующего отделом, Г. М. Маленкова. Дождавшись, я остановил его, представился и попросил зайти ко мне минут на десять. Выслушав меня, он ответил, что ему назначен прием у заведующего отделом. От него он зайдет ко мне. Но... так и не зашел.

В следующий приезд я опять его встретил и все повторилось, но теперь я остался ждать его в коридоре. Когда он вышел из кабинета заведующего отделом и увидел меня, ему ничего не оставалось, как зайти ко мне. Мы сели за стол.

— Что у вас ко мне? — спросил Столяр.

— У меня к вам несколько вопросов. Первый. Читая протоколы заседаний райкомов и горкома партии, я убедился: у вас в обкоме инструкторы не читают партийных документов нижестоящих органов и не информируют вас, когда это требует дело.

Столяр неожиданно встал и стал возбужденно говорить, что у него огромная промышленность, один «Уралмаш» чего стоит, что он отвечает за сельское хозяйство, транспорт, а я емать беру только за коммуналку. В этом протоколы.

— Не стоило вам меня за этого звать к себе.

— Ошибаетесь, товарищ Столяр, я пришел к нему, так как вы организационно-партийную работу делаете в обкоме. Есть ли у вас планки, что на местах в ряде случаев принимаются ошибочные решения? Если у вас в обкоме протоколы не читают.

— Это надо доказать, — сказал Столяр.

— Что же, вот им решения Пермского горкома по вопросу рабочей силы на заводе №... прочитайте.

Столяр прочел и говорил: «Да, действительно». Я заметил, что этот, как он выразился, «абсурд» не единичен. Если посмотреть в сборник, вот еще два решения, из которых одно следует отменить, а другое изменить. Но их только я звонил в отдел обкома, мне пообещали направить по делу. Однако решения постановлений Пермского горкома я тоже обобщил и вынес в дело Пермского горкома. Через два дня он позвонил, что оно отменено как неправильное. Однако же мы считаем, не совсем правильным действовать помимо обкома. В таких случаях нам ничего не остается, как вносить предложения об их отмене в секретариат ЦК. Вот проект такого постановления в отношении Пермского горкома. Я не внес его в секретариат, потому что...

Секретарь обкома сразу перешел на другой тон. Он попросил у меня копии двух таких постановлений, сказал, что в обкоме займется этим и даже спросил, есть ли у меня что-нибудь к нему.

Далее беседа проходила вполне лояльно. В другой раз мне уже не надо было ловить Столяра в коридоре, он сам, бывая в Москве, заходил ко мне на 20—30 минут и уже безо всякого предупреждения весело спрашивал, что у меня к ним.

Так же примерно завязались отношения с секретарями Челябинской и Новосибирской областей, Алтайского края. С моей стороны они почувствовали стремление оказать им деловую помощь, и по необходимости то ли я звонил им, то ли они.

Зам. завотделом руководящих парторганов Донской, заменивший уехавшего из Украины Бурмистренко, предложил мне выступить на совещании инструкторов отдела с сообщением — «Из опыта установления деловых связей с руководителями обкомов партии». Ихтиолог по образованию, Донской был человеком всесторонне образованным, редактировал доклады и деловые бумаги, которые составляли инструкторы. Некоторые из них приходилось переделывать по четыре-пять раз. Однажды, когда я принес ему записку о том, что Челябинский обком допускает медлительность в реализации решения январского 1937 г. пленума ЦК ВКП (б), он бегом, не вчитываясь, посмотрел на записку и бросил: «Поправьте некоторые места

и — заносите». Второй раз он заметил, что, дескать, уже лучше, но велел посмотреть еще. В третий раз он одобрил записку окончательно, не внося в нее никаких исправлений.

Особенно много было работы с заявлениями на неправильное исключение из рядов партии. Эти заявления никогда не пересылались тем органам, которые исключали или наказывали жалующегося. В те дни, после январского пленума ЦК ВКП(б), партийные организации и аппарат ЦК ВКП(б) восстановили в партии многих честных, преданных ей людей. Было разоблачено немало клеветников и тонко замаскированных врагов партии, прикрывающих свою преступную деятельность партийным билетом.

Однако в ряде организаций такая работа не проводилась. Наиболее неблагоприятно было положение в Челябинской области. На основе проверенных заявлений и материалов я написал статью — «Клеветники остаются безнаказанными», в которой привел конкретные факты недопустимого отношения к исправлению ошибок, в результате чего клеветники «еще более наглеют в применении своего ядовитого оружия против честных членов партии». В заключение я писал, что «Челябинский обком должен прекратить медлительность и неповоротливость в разъяснении и осуществлении партийными организациями в области решений пленума ЦК ВКП(б). Челябинский обком должен обеспечить выполнение решений пленума ЦК ВКП(б) о снятии с постов и привлечении к ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов, допуская производ по отношению к членам партии». Статья была напечатана в журнале ЦК ВКП(б) «Партийное строительство» (№ 6 от 15 марта 1938 г.).

Это была первая моя политическая, публицистическая работа.

В марте 1938 года я был назначен заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов, и кроме областей, которые я уже курировал, мне были добавлены Азербайджан и Грузия.

В то время многих строительных и заводских делами управляли на руководящую работу в области и республике. Офицеры встал Маленков. Вместе с Донским они рассматривали обкомскую карту бурж. рабочей области, испещренную множеством разрозненных слов и фраз.

Донской обратился ко мне с просьбой взглянуть на карту бурж. рабочей области и перспективный край, как и нетронутый край. А Маленков сказал: «Если как следует наладить промысел, ее хватит на пять лет». Маленков спросил: «Не хочешь туда поехать секретарем обкома?»

Меня, как нижегородца, естественно интересовало, куда едем. И ответил, что на этот пост надо сыскать человека, знающего район, где мы так же люди есть. «Кто, например?» — спросил Маленков. «Кто бы там». Он специалист-ихтиолог, не говоря уже о его партийном опыте.

Они переглянулись, и Донской сказал: «Тогда оставим этот вопрос».

Между тем я сделал вывод, вскоре подтвердившийся, что встает вопрос о назначении меня в одну из областей, на руководящую партийную работу. И правда, вскоре меня вызвал к себе А. А. Андреев. На столе у него лежала только что вышедшая из печати моя книга (в соавторстве с В. А. Раковым) — «Электровоз». Как бывшего наркома путей сообщения, она заинтересовала его, и, расспросив о моей прошлой работе, он сказал: «Собирайтесь, поедете со мной в Белоруссию, отъезд вечерним поездом 17 июня». — «Хорошо», — сказал я. Поездки в области и республики работников ЦК вместе с руководителями были обычным делом. Мне в голову не могло прийти, что я могу остаться там работать.

Приехали мы в Минск в воскресенье 18 июня. Нас встретил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А. А. Волков. Оказалось, что съезд уже закончил работу. Новый состав ЦК и ревизионная комиссия избраны, но объявление результатов голосования отложено до вечернего заседания.

Вечером на этом заседании с короткой речью выступил А. А. Андреев. Он сказал: «Центральный комитет ВКП(б) считает, что Волков не справляется со своими обязанностями. Товарищ Волков человек честный, ему не предъявляется никаких обвинений, но ЦК считает необходимым его заменить. ЦК ВКП(б) рекомендует вам ввести в состав ЦК партии Белоруссии товарища Повомаренко П. К., молодого работника, хорошо зарекомендовавшего себя на работе в отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Если есть к нему вопросы, он на них ответит».

Меня попросили рассказать автобиографию, что я и сделал. После этого открытым голосованием меня ввели в состав ЦК КП(б) Б. На другой день, 19 июня,

на организационном пленуме ЦК было избрано бюро ЦК в составе А. А. Апаньева, Ф. И. Голикова, А. Ф. Ковалева, А. М. Левицкого, Н. Я. Натолевича, П. К. Пономаренко и М. Я. Репинского. Меня избрали первым секретарем ЦК КП(б)Б...

Линии на карте

Что из себя представляла Белоруссия? Была она богата болотами и заболоченными землями. Они занимали третью часть всей ее площади, а в центральных районах Полесской низменности ими было покрыто более двух третей земли. В прошлом болота — источник бедности и нищеты, болезни и бездорожья.

Между тем мелиорированные участки по содержанию азота превосходили плодородные черноземы Кубани и Украины, и в ЦК ВКП(б) и правительство не раз обращали внимание белорусского руководства на важность мелиоративных работ. На одном из заседаний Политбюро И. В. Сталин указал на мелиорацию как на одну из основных проблем в сельском хозяйстве Белоруссии. Он сказал, что «болота надо осушить и освоить, даже если бы на них пришлось вырубить леса, но так, чтобы не изменить режим рек, чтобы они не обмелели».

Я ответил, что мы всячески поощряем колхозы, проводящие осушение и освоение болот, что приступили даже к разработке перспективного плана мелиорации, особенно Полесья. Он предусматривает проведение некоторых непосильных для отдельных колхозов работ (например, строительство каналов) путем кооперирования и оказания государственной помощи. Что, мол, до режима рек, связанного с неизбежной при мелиорации вырубкой лесов на мелиорируемых и осваиваемых землях, то осушение болот и заболоченных земель создает благоприятные условия для интенсивного роста леса. На осушенных болотах и заболоченных землях он растет быстрее, чем на болотах. Болотистое мелколесье сравнительно быстро превращается в густой лес, богатые ценными породами: сосной, дубом, березой, ольхой, липой, кленом.

И. В. Сталин сказал, что это очень важный фактор, если действительно так, то дело надо двигать быстрее. Мы, следовательно, окажем вам такую помощь».

Опираясь на эту поддержку, мы начали на болотах и осушившие и освоившие известные колхозы восточных земель проводить сорные уржаки, мы усилили ход мелиоративных работ, и мы начали выполнять этот план мелиорации.

В Любанском районе Могилевской области на осушенных болотах вырос колхоз имени Белорусского воинского округа. Колхоз освоил 1500 гектаров болот. За три предвоенных года, несмотря на то, что в колхозе не было никаких агротехнических опытов ведения хозяйства на этих землях, он получил урожай зерновых в среднем по 15 центнеров, сена и трав — по 40 центнеров с гектара.

Колхоз «Красный Октябрь» этого же района осушил 334 гектара болот и получил на них в 1940 году урожай ячменя по 23, сенажных трав — по 65 центнеров с гектара.

В 1940 году, одоббив инициативу колхозов и колхозников, партийных и советских органов Белоруссии, ЦК КПБ и правительство внесли в ЦК ВКП(б) и правительство СССР общий план мелиорации. Совнарком Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) 6 марта 1941 года приняли решение об осушении болот в Белорусской ССР и использовании осушенных земель колхозами для расширения посевных площадей и сенокосов. Планировалось в ближайшие 15 лет в бассейнах Западной Двины, Днепра, Сожа, Немана и Припяти, включая панские болота, осушить и освоить четыре миллиона гектаров болот и заболоченных земель.

К началу войны в республике было осушено 270 000 гектаров. Война на несколько лет отодвинула эту работу.

Вскоре после моего приезда в Белоруссию, в первой половине 1938 года, мне доложили, что со мной хотел бы встретиться профессор А. М. Розин, геолог. Я вызвал заместителя заведующего отделом ЦК и попросил его выяснить, с чем он хочет ко мне прийти. Зам. завотделом сказал, что знает, зачем он ко мне идет. Розин несколько лет уже носит с маниакальной идеей, заключающейся в том, что в южных областях Белоруссии имеются месторождения каменной соли и нефти, что его в этом не поддерживает большинство геологов. Он обил пороги многих учреждений, был у председателя Совнаркома Голодеда, в Госплане и нигде не нашел поддержки.

Я вызвал нескольких известных мне геологов и сведущих работников Госплана БССР. Они выразили такую же отрицательную точку зрения в отношении работ профессора Розина. Лишь начальник Белорусского геологического управления З. А. Горелик настойчиво советовал мне принять профессора Розина. Горелик и некоторые другие геологи с большим опытом сказали, что утверждение Розина о залегающих каменных солей и нефтеносности недр южных районов Белоруссии основаны на глубоком анализе всех имеющихся геологических данных. Теоретики, выступающие против Розина, основываются не на научном подходе, а на примитивных воззрениях, сводящихся к тому, что под белорусскими торфяниками невозможно найти какие-либо полезные ископаемые. Но это опровергается работами профессора как геолога, нашедшего залежи фосфоритов в верховьях реки Соть, залежей доломитов в районе Дараганово.

Я принял Розина. Он пришел ко мне со всеми своими работами и свитком чертежей и схем. Он не знал о моих предварительных беседах по его идеям и, поздоровавшись, чрезвычайно волнуясь, сказал: «Если вам не сказали еще, что я сумасшедший и хожу в плену у маниакальной идеи, то наверняка вы об этом услышите. Я добивался вашего приема, чтобы рассказать вам, как новому руководителю и непредубежденному человеку, о некоторых, имеющих важнейшее значение вопросах разведки полезных ископаемых. Скажите, сколько я имею времени, чтобы изложить свои вопросы?»

Я постарался успокоить его, попросил не беспокоиться о времени. И он много чего рассказал мне об истории геолого-поисковых работ в Белоруссии, особенно в 1930 году, когда они проходили при скудных средствах. Бурение, например, проводили ручным способом до глубины 40—50 метров. Проводившиеся в 1937—38 гг. по инициативе Розина маршрутные геологические исследования, обобщение ранее накопленных материалов (А. М. Розин, З. А. Горелик, А. П. Авкентьев, Г. В. Богомолов) и исследования нефтеносности позволили сделать вывод, что южные районы БССР, являясь продолжением Днепровско-Донецкой впадины, имеют соляные и нефтяные отложения. Эти выводы можно было подтвердить только бурением.

То, что изложил профессор, произвело на меня сильное впечатление. Я рассказал о нем членам ЦК. Было решено подкрепить Розина и группу названных геологов материалами, которые тщательным образом получено буровое оборудование. Первым фактом в пользу теории Розина Давидовка бывшего Домановичского района. В 1934 году на глубине 844 метров была обнаружена вершина соляного купола. До этого момента в слое соли.

Вскоре после освобождения западных областей Украины и Белоруссии возник вопрос об административной границе между этими освобожденными областями. Согласно постановлению Верховного Совета СССР от 1-го ноября 1939 года, Верховный Совет Украинской ССР должен был представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения западных районов и областей между Украинской ССР и Белорусской ССР. То же поручалось и Верховному Совету БССР.

Я не думал, что в этом деле могли возникнуть какие-либо осложнения. Этнографическая граница была довольно ясной, она шла с востока на запад, несколько южнее Пинска, Кобрина и Бреста. Эта граница между Украиной и Белоруссией или, вернее, освобожденными западными областями этих республик должна была быть утверждена высшими органами СССР.

Как-то осенью 1939 года из оргинструкторского отдела ЦК мне сообщили, что Н. С. Хрущев¹ уже подготовил и внес в ЦК свои предложения о границе для внесения их на утверждение в ЦК ВКП(б), а от ЦК Белоруссии предложений не поступило. Я сказал, что если Хрущев разработал и внес эти предложения, значит, нужны и наши, чтобы затем принять общее решение. Работник ЦК ВКП(б) отметил, что можно, конечно, поступить и так, но ЦК Белоруссии должен хотя бы представлять, что это за предложения, поэтому он пошлет их нам для ознакомления. Через день мы их получили.

Проект Хрущева о границах был настолько неожиданным, что в этот же вечер было созвано заседание бюро ЦК, чтобы обсудить его, выработать к нему свое отношение и подготовить контрпредложения.

Согласно подготовленному проекту, граница между западными областями должна была пройти значительно севернее естественной этнографической, как ее принято было считать, настолько севернее, что Брест и Пружаны, Пинск и Столин,

¹ В это время Н. С. Хрущев работал уже первым секретарем ЦК компартии Украины.

Кобрин и Лунинец, так же, как и большая часть Беловежской пуши, должны были отойти к Украине.

Мы с этим согласиться не могли — стали готовить свои предложения и обоснования.

Пришлось изучить обширный исторический материал: статистику населения по переписям, производившимся в дореволюционной России и Польше, данные польских архивов (пусть и не весьма точные в отношении национального состава населения, были они все-таки беспристрастны).

Наконец предложения и обоснования были разработаны, схемы изготовлены, и мы почувствовали себя готовыми выступить по этому вопросу в ЦК ВКП(б).

22 ноября 1939 года мне было велено прибыть в Москву. В тот же день я был вызван к И. В. Сталину. Когда я вошел в его приемную в Кремле, там уже был Н. С. Хрущев, тоже с материалами и схемами. Он беседовал с Н. А. Поскребышевым. И вот здесь, перед приемом, между мной и Хрущевым произошел драматический инцидент, определивший отношение Хрущева ко мне на долгие годы.

После того как я поздоровался, Хрущев спросил, подготовили ли мы свои предложения и в чем их суть. Как можно деликатнее я сказал, что мы подготовили предложения, но они не совпадают с теми, которые предлагает он.

Далее я пояснил, что мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лунинца, Кобрина, Барановичей и Бреста, так, чтобы эти города, включая и Беловежскую пушу, остались в составе Советской Белоруссии.

Хрущев вскипел и грубо спросил: «Кто вам состряпал эту чепуху, чем вы это можете обосновать?» Я ответил, что предложения, которые мы вносим, составил ЦК КПБ, и мы не считаем их чепухой и готовы привести обоснования на основе статистики и истории. Хрущев, в свою очередь, заявил, что украинские ученые имеют другую точку зрения, и в частности, что граница, которую мы предлагаем, противоречит понятию этнографической истинности. Хрущев рассвирепел и стал кричать: «Ага, вы не верите! Не верите! Вы же другие знаете? А слышали ли вы о том, что, начиная со времен Стефан Великого, украинцы, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцами, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие великие полководцы и исследователи в своей войска, что исторически они являются украинцами и имеют в связи с этими районами белорусские и т. д. и т. д. и т. д.»

Я сказал, что меня беспокоит не то, что вы говорите. Это ведь не наш личный вопрос. Если даже войска наши предложением эти районы и включают в состав Украины, то ведь Украина исторически там будет неплохо. Однако я обязан записать историю Украины и у меня есть для этого обоснованные данные.

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один и на наше приветствие ответил: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали войну? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?»

Потом предложил сесть и доложить свои варианты. Мы, то есть Хрущев и я, вытащили схемы, собираясь объяснить свои позиции.

Первым докладывал Н. С. Хрущев. Он развернул на столе схемы, но, рассказывая, ни разу на них не сослался.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на схеме, где пройдет граница.

Затем доложил я. Задав ряд вопросов, Сталин заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема, ничем не обоснована. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская пуша являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезнут. Это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, наверное, вы, выдвигая эти предложения, имели в виду другое; вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много».

На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесу, которым так богат Полесье, а у нас леса мало».

«Это другое дело, — заметил Сталин, — это можно учесть. Белоруссия, — сказал он далее, — предлагает правильную, обоснованную границу. Объективность их предложения подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширска отнести к Украине. Мы утвердим границу, в основном

совпадающую с предложением т. Пономаренко, с поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса».

Он взял карту и прочертил линию границы, совпадающую с нашим предложением, но в одном месте сделал на зеленом массиве карты выгиб к северу и сказал: «Пусть этот район отойдет к Украине».

Н. С. Хрущев согласился, я тоже был доволен таким решением вопроса. После этого И. В. Сталин пригласил Хрущева и меня к себе обедать.

Путь из «варяг в греки»

На заседаниях в ЦК ВКП(б), во время частных бесед за обедом или ужином у Сталина в 1939 году стали проскальзывать мысли о желательном соединении Черного и Балтийского морей водной артерией.

Действительно, еще Петр Великий соединил шлюзами верховья Березины с Двиной и таким образом получил водный путь из Черного моря в Балтийское, через Днепр — Березину, Двину. Существовали остатки и Днепро-Неманской водной системы, построенной тоже в петровское время. Она соединяла Черное и Балтийское моря через Днепр, Припять, Выгоновское озеро, реку Щару, Неман.

В середине 1940 года в Белоруссию прибыл известный гидротехник Скачков. Следом вскоре пришло постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О восстановлении Березинского водного пути, соединяющего Черное и Балтийское моря».

На Совпарком и ЦК Белоруссии возлагалось наблюдение за строительством, обеспечение рабочей силой, местными материалами и т. д.

Естественно, нас заинтересовала история строительства, его характер, особенно то, какое экономическое значение будет иметь этот путь для развития народного хозяйства Белоруссии.

Пришлось изучать историю строительства Березинской системы, ознакомиться с проектами других водных путей. Были проведены несколько совещаний с местными и проектными инженерами.

Потом, хотя с большим трудом, мы узнали историю Березинской системы в Днепр и до Двины, через Березинский канал, Припять, Выгоновское озеро, реку Щару, наконец, по литературе ознакомились с историей осуществления перехода из Днепра в Двину варягами, треклятыми и греками. Мы выяснили, что варяги в реку. Постепенно вырисовывалась сравнительная оценка значимости путей, и убедился: предлагаемые обновления водной пути имеют большое значение в ряде важных факторов, вариант получалось рассмотреть в историческом и современном отношении.

После долгих размышлений в ЦК ВКП(б) и ЦК Белоруссии я написал И. В. Сталину и в Совет Народных Комиссаров СССР записку, носившую такое название: «О наилучшем варианте Днепро-Двинского пути». В ней я писал: «Изучение материалов о водном пути между Черным и Балтийским морями, через соединение рек Днепра и Западной Двины, привело к выводам, имеющим, на мой взгляд, серьезное государственное значение. Эти выводы считаю своим долгом доложить Вам.

Березинский водный путь, включающий реку Березину, Березинский канал и реку Уллу, соединяющий Днепр и Западную Двину, начал сооружаться в 1797 году и был закончен в 1804 году. Предназначался этот путь исключительно для сплава леса; для судоходства Березинская система была непригодна, более того, вследствие недостатка воды и заплывания каналов илом даже и сплав леса встречал большие затруднения. Поэтому система, несмотря на некоторые попытки ее восстановления, была постепенно заброшена и все сооружения пришли в негодность. У реки Березины очень низкие берега, небольшие радиусы закруглений, множество перекатов и небольшие глубины. Достичь судоходных глубин (порядка 1,1—1,2 метра) повышением уровня воды путем водопуска нельзя, так как подъем уровня реки на 40—50 сантиметров выше нормального приводит к выходу воды из берегов и затоплению огромного количества земель...

Для восстановления системы требуется произвести огромные землечерпательные работы на всем протяжении Березины; в многочисленных местах срезать берега для увеличения радиусов закруглений, заново сделать все плотины и шлюзы на каналах, устроить в верховьях реки водохранилища для питания канала. Ориентировочные подсчеты показывают, что для производства этих работ потребуется сумма порядка 350—400 млн. рублей. После таких огромных работ и вложений возможно судоходство для судов в 150—200 тонн.

Ясно, что такой водный путь между Черным и Балтийским морями экономически и стратегически не отвечает требованиям государства.

После сооружения Днепро-Березинской системы дальнейшие исследования сосредоточились на выборе иного пути для соединения Днепра и Западной Двины.

Со времени Петра I появилось много проектов этого пути. Наиболее заслуживающим внимания следует считать сооружение канала Орша — Витебск с использованием рек Оршны и Лучесы. Длина его около 80—90 километров. Объем земляных работ — 15—18 миллионов кубометров.

Для повышения уровня воды в верховьях Днепра, а также питания канала сооружаются Оршанское и Дорогобужское водохранилища. Для создания судоходного режима на Западной Двине у Витебска сооружается плотина, у Велижа — водохранилище.

Стоимость работ и сооружений по этому варианту, включая стоимость затопления, — около 550—650 миллионов, то есть это на 200—250 миллионов рублей дороже Березинского соединения.

Несмотря на такую высокую стоимость вообще и в частности, осуществление этого проекта отвечает государственным интересам. По этому пути из Черного в Балтийское море и обратно смогут двигаться суда длиной до 70—90 метров, тоннажем 600—850 тонн. В дальнейшем его можно будет сделать еще более глубоководным.

В свое время русский генеральный штаб, морское министерство и министерство путей сообщения выступали против восстановления Березинской системы и горячо поддерживали проект Оршанско-Витебского соединения.

Генеральный и морской штабы имели в виду, кроме всего прочего, использовать этот водный путь для переброски военных судов Черноморского флота в тыл непримиримым военно-морским силам, действующим против Петербурга, или, в случае нужды, для усиления Черноморского флота за счет Балтийского.

В самом деле, расчеты показывают, что пропуск судов с большой осадкой и существующий в этом отношении опыт представляют большой интерес. Линейный корабль с 9,5-метровой осадкой в мелководном фарже может передвигаться в специальном доке осадкой в 4,8 метра. Его глубинный шлюз может быть достигнута подъемом воды до нормальных глубин фаржевого шлюза, метра...

Таким образом, при сооружении Оршанско-Витебского соединения становится возможным передвигать суда в портах легких рейсов, миноносцев и подводных лодок. Это ограничивает возможности противника.

Другое его преимущество — возможность использования водного пути разрабатывается энергетически. На территории Оршанского водохранилища и у Витебска могут быть построены гидроэлектростанции на 20—30 тысяч киловатт каждая. Для Белоруссии это имеет огромное значение. Надо отметить зависимость ее промышленности от торфа. В то время как в большинстве стран торф использовать не успевают, электроэнергия производится, промышленность процветает. Кроме того, торф, как это ни странно на первый взгляд, очень дорогое топливо. Условная тонна донецкого угля в котельной предприятия стоит 70—80 рублей, условная тонна торфа — 140—150 рублей.

Третье преимущество варианта состоит в том, что на магистральном водном пути будут лежать основные промышленные центры Белоруссии: Витебск, Орша, Могилев, Жлобин, Речица и даже Смоленск, так как Днепр становится судоходным до Смоленска, в то время как на Березине стоит один Борисов. Это важно не только для дальнейшего развития этих городов, но еще и потому, что водный путь будет иметь погрузочно-разгрузочные пункты, связанные с основными железнодорожными магистралями.

Строительство Оршанско-Витебского канала войдет в комплекс работ, связанных с проблемой Большого Днепра, и это имеет огромное значение. Так, например, устройство Дорогобужского и Оршанского водохранилищ, плотин и гидроэлектростанций у Орши запроектированы Укргидеком и являются частью основных мероприятий по увеличению баланса воды в Днепре.

Таким образом, наиболее отвечающим государственным интересам является вариант Оршанско-Витебского соединительного канала Черноморско-Балтийского водного пути.

Вношу предложение об образовании государственной комиссии для срочного рассмотрения этого вопроса и внесения предложений в правительство.

Записка была принята в ЦК и Правительстве благожелательно. Никакой комиссии для подготовки вопроса не стали образовывать. Комиссии уже были и предложили они не лучший вариант.

Вопрос посчитали подготовленным и на той же неделе вышло постановление Правительства, которое так и называлось: «О наиболее выгодном варианте Днепродзвинского водного пути».

В работу был включен виднейший в СССР энергетик Жук. Он полностью одобрил высказанные положения с одним добавлением. В записке не учитывались работы на Двине в связи с ее порогами ниже Витебска. Это несколько удорожало путь, но не уменьшало его значения как наиболее выгодного варианта.

Надвигающиеся события, а затем ситуация, сложившаяся после войны, сняли с повестки дня вопрос о сооружении этого пути.

На декаде в Москве

В 1940 году под Минском строилось искусственное озеро. Оно имело большое практическое значение, так как позволяло бы весной собирать и регулировать пропуск весенних вод, таким образом избегая затоплений низкой части города.

К этому озеру проявляли большой интерес минчане, особенно молодежь, так как купаться летом было негде. Многие учебные заведения, учреждения и предприятия после работы или в воскресенье выходили на строительство.

Проект озера, плотины и шлюза спроектировали инженеры Белгоспроекта на общественных началах. Работой руководил Минский горком КПБ во главе с его секретарем А. П. Матвеевым.

Строительство было несложным, шло успешно, и кто бы мог подумать, что вскоре оно получит всеобщую известность, станет притчей во языцех и подвергнется обсуждению на Политбюро.

В 1940 году, во время декады белорусского искусства, после одного из спектаклей Белорусского оперного театра в здании Большого театра, я сказал Сталину, что декада почему-то очень слабо освещается в газетах. Сталин тут же позвонил редактору «Красной Звезды» Роканову, сделал замечание и предложил освещать декаду так же, как и будущие, другие фестивали. При этом он сказал, что вообще нельзя в искусстве, чтобы знали и потому шло много жалоб.

На другой день в «Звезде» появилась обзорная статья о постановках белорусских театров в Москве. В ней упоминался и наш Минский оперный театр. Редактор решил «осветить» и другие театры, к которым я принадлежал. В том же номере он поместил статью под названием «Искусственная фантазия», в которой подвергалось уничтожающей критике строительство Минского озера. Это была очень злая, исключительно интриганная статья, основанная на письме, поступившем в редакцию из Минска. Автор жаловался, что его привлекают к строительству озера как бы принужденно, что имеет место принуждение со стороны общегородской организации. Строительство озера подавалось как ненужное дело, предполагалось, что после озера в Минске, наверное, начнут воздвигать искусственные горы, а потом сажать пальмы и т. д.

В тот же вечер после спектакля, во время ужина, Сталин спросил: «Что это за озеро вы там устраиваете, почему принуждаете народ ходить на работы и в выходные дни работать на этом озере?»

Я ответил, что озеро делается исключительно на добровольных началах и ни о каком принуждении не может быть и речи. На это Сталин заметил: «Это вам кажется, что все идет добровольно. Вы ведь читали, что пишут в «Правду» из Минска. Видно, вокруг озера создали такой накал, что и не пошел бы в выходной копать, отдохнул бы, да как бы чего не вышло. Мы против привлечения трудящихся в выходные дни на всякие так называемые добровольные работы».

В это время Хрущев, обращаясь к Маленкову, но так, чтобы все слышали, рассказал, как один киевский профессор жаловался ему на то, что когда он поехал в Минск в отпуск, то его и многих других пассажиров на Минском вокзале захватили и под конвоем отправили на это озеро, а отпустили оттуда только после того, как он проработал три дня. Он тотчас же уехал из Минска, боясь, чтобы его еще раз «добровольно» не отправили на озеро.

Сталин повернулся ко мне и говорит: «Вот, оказывается, до чего дело дошло. Вам это известно или нет?»

Я сказал, что, очевидно, товарищ Хрущев шутит, хотя говорил он это с серьезным видом.

— Ну, а если это не шутка? — спросил Сталин.

— Тогда я попрошу назначить следствие, ибо здесь идет речь о преступлении, чем являлось бы устройство облав на вокзалах и, кроме того, я буду просить

Хрущева назвать этого профессора, так как считаю это лучшим способом опровергнуть вымысел.

Обращаясь ко мне, Хрущев сказал на это: «Ну, что вы в бутылку лезете, ясно ведь, что я сказал это в шутку».

Сталин помолчал и рассудил: «Если это шутка, то уже легче, но шутка, я вам скажу, довольно неуместная».

Вопрос о злосчастном озере на этом не закончился, и эпилог был неожиданным.

Сталин спросил: «Кто секретарь Минского обкома партии? Его нужно наказать. Вы сами куда смотрите? Почему ЦК Белоруссии не видит, что делается в столице? И потом, скажите мне, кому понадобилось это озеро и почему оно устраняется без санкции руководства республики?»

В связи с прямым вопросом представлялась возможность внести ясность во все это дело, и я доложил: «Совнарком и ЦК Белоруссии не только знают о строительстве, но и санкционировали его, причем, не как «плод неумемной фантазии», а как насущную необходимость, не говоря уже о его значении как места отдыха трудящихся».

Дело в том, что Минск пересекает небольшая река Свислочь. Она делит город на высокую и низкую части. Весной эта река становится полноводной и каждый год затопляет почти всю низкую часть города. Убытки исчисляются миллионами, население терпит большой ущерб, каждый год образуются комиссии по борьбе с наводнением и его последствиями. А летом эту речку можно перейти вброд. Умные люди предложили: чтобы избежать наводнений, надо устроить перед городом водохранилище, чтобы можно было регулировать спуск весенних вод. Эта мысль оказалась весьма практичной и потому, что река под самым городом протекает по длинной и широкой ложбине и для образования водохранилища необходимы только плотина и шлюз. Никаких земляных работ по образованию озера не требуется, выражение «копают озеро» не имеет действительности. Земляные работы связаны только с устройством дамбы и приведением культурный вид берегов.

Естественно, возможно купить место отдыха. Озеро — дополнительный мотив для его устройства. Этого не следует забывать строителям молодежи. Она, главным образом, и не имеет свободное время по 4 часа в неделю.

Странно, что, пообщавшись с Хрущевым, «Правда» публикует статью, наполненную всяким чушью об «озерах», «шлюзах» и т.д.

Я теперь прямо не знаю, что делать: прекратить эту статью или же дождаться, а средств на его завершение у нас нет.

На этом, собственно, разговор и закончился. Если говорить на другие темы. Но в конце ужина Сталин возмущенно вынул из кармана озеро. Он сказал, обращаясь к сидевшим за столом: «Выходит, действительно, это озеро далеко не плод фантазии. Его строительство во имя социализма не следует прекращать строительство общественным способом». И делая вид, что читает во мне: «Посчитайте вместе с Вознесенским, сколько необходимо денег и какие материалы, мы отпустим эти средства, чтобы спасти вас от потопов, а киевских профессоров от неприятностей».

Озеро было построено, наводнения прекратились. Обсаженное деревьями, живописное, с чистой водой, оно стало любимым местом отдыха минчан.

Позже Н. С. Хрущев мне сказал: «Здорово вы выкрутились из сложного положения с озером. А мы тоже из вашей ошибки извлекли пользу. Оказывается, у нас, в Донбассе, тоже строили несколько озер, а я дал указание немедленно прекратить работы».

Я мысленно представлял себе Донбасс, его города и рабочие поселки, испытывающие недостаток в воде, и подумал, что вряд ли Хрущев извлек из дела о минском озере полезный урок.

